

На следующий день, когда небо еще не до конца посветлело, Бай Мянью уже поднялся.

Он оделся и на цыпочках вышел из комнаты, боясь разбудить Бо Цинъянь — хотя он и не знал, спала ли она вообще. Он знал лишь одно: это был первый раз, когда хозяйка лично взялась обучать его чему-то, и он ни в коем случае не смел опоздать.

Медная площадка располагалась на задней горе и представляла собой ровную террасу из синеватого камня, окруженную несколькими старыми соснами. Утренний туман еще не рассеялся до конца, и в воздухе витал чистый, бодрящий аромат трав и деревьев.

Бо Цинъянь уже была там.

На ней был узкий походный наряд цвета темного железа, длинные волосы были забраны высоко на макушке, а в руке она держала деревянный меч. Утренний свет падал из-за ее спины, окаймляя ее силуэт легким золотистым сиянием.

Бай Мянью на мгновение засмотрелся.

— Подойди.

Придя в себя, он торопливо подбежал к ней.

Бо Цинъянь протянула ему другой деревянный меч:

— Держи.

Бай Мянью принял его обеими руками. Деревянный мечи оказался тяжелее, чем он предполагал, и, сжимая его в двух руках, он растерянно замер.

— Твоя конституция тяготеет к инь, а меч излучает энергию ян, — Бо Цинъянь обошла вокруг него, окинув его оценивающим взглядом. — Меч тренируют не для того, чтобы ты сражался с врагами, а для того, чтобы твои меридианы привыкли к циркуляции внутренней энергии.

Она встала у него за спиной и неожиданно протянула руку, охватив его ладонь, державшую меч.

Бай Мянью всем телом оцепенел.

— Расслабься, — голос Бо Цинъянь раздался прямо над его макушкой, и ее дыхание коснулось его уха. — Не сжимай меч слишком сильно, расслабь запястье, кончик меча направлен вперед.

Ее рука легла поверх его ладони, увлекая его вверх и заставляя плавно выполнить простейший колющий удар.

Его рука, ведомая ее рукой, медленно вывела в воздухе дугу.

Бай Мянью совершенно не слушал, что она говорит.

Он ощущал лишь то, что ее рука была очень холодной, с отчетливо выступающими суставами и длинными пальцами, а прикосновение к его тыльной стороне ладони казалось чересчур осязаемым. Он уловил исходивший от нее легкий прохладный аромат, его сердце забилось отчаянно быстро, и даже кончики ушей покраснели.

— Ты слушаешь?

— С-слушаю! — поспешно отозвался он, хотя голос его звучал крайне неуверенно.

Бо Циньянь опустила взгляд и посмотрела на него. Заметив его покрасневшие до самых кончиков уши, она едва заметно тронула уголки губ, но тут же вернула лицу прежнее бесстрастное выражение.

— Глупыш, — произнесла она ровным тоном, не выпуская при этом его руку. — Сосредоточься.

— Д-да...

Следующие несколько дней Бай Мянью каждое утро ровно в час кролика являлся на Медную площадку.

Бо Циньянь обучала его чрезвычайно скрупулезно: начиная с самых азов — правильного хвата, колющих ударов и вкладывания меча в ножны, — она движение за движением вела его через тренировки. Сообразительностью Бай Мянью не блистал, зато отличался исполнительностью: делал всё, что она велела; если не получалось с первого раза — повторял дважды, если не выходило со второго — делал десять раз.

Снова и снова — для Бай Мянью, носившего под сердцем пятимесячного ребенка, это было тяжело, но он всё равно улыбался.

— Чему ты улыбаешься?

Бай Мянью поднял голову и посмотрел на Бо Циньянь, его глаза согнулись в полумесяцы:

— Хозяйка, мы сейчас... разве не похожи на тех бессмертных возлюбленных из баллад и

сказок?

Бо Цинъянь опустила на него взгляд.

Младший супруг стоял в лучах солнца, с разруганными щеками, сияющими глазами, выпирающим большим животом и деревянным мечом в руках, и улыбался так глупо.

— Не похожи.

Бай Мянэ слегка огорчился:

— Не похожи? — не теряя надежды, переспросил он. — Неужели ни капельки не похожи?

Бо Цинъянь придержала Бай Мянэ за талию и склонилась к самому его уху:

— Похожи на овечку, которая учится владеть мечом.

Бай Мянэ втянул голову в плечи и смущенно рассмеялся:

— Овечке тоже весело учиться мечу, ведь меня учит моя хозяйка!

Бо Цинъянь посмотрела на него, и ее губы слегка изогнулись.

— Продолжай.

— Угу!

Бай Мянэ снова поднял деревянный меч и неуклюже замахал им.

Месяц спустя живот Бай Мянэ стал уже шестимесячным.

Его владение мечом по-прежнему оставалось неуклюжим, но по крайней мере он научился без запинок выполнять базовые движения.

В тот вечер Бо Цинъянь отвела его в комнату для медитаций.

Помещение было небольшим, с четырьмя глухими стенами и лишь одним маленьким окошком. Лунный свет проникал сквозь стекло, падая на циновку для медитаций.

— Раздевайся.

Посмотрев на невыразительное лицо Бо Цинъянь, Бай Мянью чувственно покраснел.

Он опустил глаза на свой большой живот, затем перевел взгляд на Бо Цинъянь и тихо спросил:

— В-все... всё снимать?

— Угу.

Бай Мянью закусил губу и принялся медленно развязывать одежды.

Ткань соскользнула, обнажая его тело.

Шестимесячная беременность полностью изменила его облик.

Живот сильно выдавался вперед, округлый и тугой, натянутая кожа казалась хрупкой, и сквозь нее проступали голубоватые сосуды. Грудь стала куда пышнее прежней, мягкая и трепещущая, она слегка вздымалась в такт дыханию. Талия оставалась тонкой и гибкой, но под тяжестью живота слегка прогибалась назад, образуя изящный изгиб. Конечности, хоть и сохраняли изящество, приобрели приятную полноту, а на ощупь сделались совсем мягкими.

Следом, подчиняясь указанию пальца Бо Цинъянь, он накинул тончайшее, подобное крылу цикады марлевое платье. Ткань оказалась настолько прозрачной, что почти ничего не скрывала, лишь придавая его телу налет ускользающей, призрачной соблазнительности.

Бай Мянью стоял в лунном свете, не зная, куда деть руки, а лицо его пылало так, будто готово было обогреться кровью.

— Х-хозяйка...

Бо Цинъянь смотрела на него.

Смотрела на то, как он стоит в сиянии луны, выставив вперед большой живот, облаченный в полупрозрачную марлевку, а всё его тело покрыто легким розоватым румянцем. Его влажные глаза переполнены застенчивостью, напряжением и нескрываемым, трепетным ожиданием.

— Подойди.

Бай Мянью шагнул вперед и остановился перед ней.

Бо Цинъянь сидела на циновке; протянув руку, она притянула его к себе, усаживая на колени.

Бай Мянй прижался к ее груди, ощущая ее тепло, а его сердце колотилось так бешено, будто норовило выпрыгнуть из горла.

— Боишься?

Бай Мянй подумал немного и честно кивнул:

— Боюсь...

Бо Цинъянь легко усмехнулась и шлепнула Бай Мянй по мягкому месту:

— Низкий и похотливый супруг не имеет права бояться, понимаешь?

Стыдливо зарывшись лицом в изгиб ее плеча, Бай Мянй нежно позвал:

— Хозяйка...

Бо Цинъянь ничего не ответила.

Ее рука легла на его живот, принявшись его гладить.

— Начинаем.

Бай Мянй еще не успел сообразить, как ледяной поток энергии хлынул из ее ладони прямоком в его тело.

Ах.

Так странно, так больно, но в то же время невероятно щекотно.

Будто что-то разрывалось внутри него, начиная с живота и расползаясь по всем конечностям и костям.

— Больно — кричи. Богатство жанров фэнтези собранно здесь, чтобы удовлетворить ваши читательские предпочтения, — раздался над ухом спокойный голос Бо Цинъянь.

Бай Мянй замотал головой: ему казалось, что не так уж и сильно больно, но как же сильно ему

хотелось хозяйку...

Однако вскоре боль резко усилилась, грозя разорвать его тело на мелкие кусочки.

Он больше не мог сдерживаться, и сдавленный стон сорвался с его губ.

— Ах...

Этот звук звучал одновременно мягко и дрожаще, срываясь на плач, но в нем таилась какая-то неизъяснимая чувственность.

Бо Цинъянь опустила на него взгляд.

Младший супруг съежился в ее объятиях, весь дрожа, бледный, с холодным потом, выступившим на лбу. Он прикусил губу, изо всех сил стараясь стерпеть, но боль невозможно было перетерпеть, и стоны один за другим прорывались сквозь стиснутые зубы.

— Больно?

Бай Мянь кивнул, и слезы градом покатались из его глаз.

— Тогда остановиться?

Бай Мянь замер на секунду, а затем отчаянно затряс головой.

Бо Цинъянь смотрела на него — на то, как он, терпя адскую боль, всё равно отказывался останавливаться.

Она не прекратила.

Энергия меча продолжала вливаться.

Бай Мянь бился в спазмах от боли, но упорно держался, не позволяя себе кричать слишком громко. Уткнувшись лицом в ее плечо, он снова и снова прикусывал ткань ее одежды, заглушая истошные крики в собственном горле.

Неизвестно, сколько времени прошло, но боль наконец начала утихать.

Обессиленный Бай Мянь обмяк в ее объятиях, будто искупавшись в воде, и тяжело, прерывисто дышал.

— В-все... закончилось?

Бо Цинъянь посмотрела на него сверху вниз.

— Нет. Это был лишь первый круг.

Бай Мянй остолбенел.

Первый круг?

От такой адской боли — и всего лишь первый круг?

Он не успел прийти в себя, как вторая волна энергии меча уже хлынула внутрь.

— А-а-а!

На сей раз сдержаться не удалось.

Эта боль оказалась еще яростнее и мощнее первой, казалось, она перемалывает в крошево все его кости. Свернувшись калачиком от муки, он вцепился в воротник Бо Цинъянь и закричал во весь голос:

— Хозяйка... Хозяйка... Как больно...

Бо Цинъянь обняла его, легонько поглаживая по спине.

— Потерпи.

Бай Мянй кивнул, плача и слепо кивая, умывшись слезами.

Вторая волна завершилась, началась третья.

За третьей последовала четвертая.

Бай Мянй потерял счет времени.

Он знал лишь то, что то терял сознание от боли, то вновь приходил в себя; падал в обморок и просыпался, снова и снова, бесчисленное количество раз.

Каждый раз, приходя в себя, он видел холодное лицо Бо Цинъянь.

Каждый раз, когда боль становилась невыносимой, он слышал ее слова: «Потерпи».

Каждый раз перед тем, как отключиться, он ощущал, как ее рука нежно поглаживает его живот.

Энергия меча причиняла реальную, осязаемую боль.

Но когда она циркулировала по телу, в этом процессе крылось нечто невыразимое.

Словно его заполняют.

Словно им владеют.

Словно он... нужен.

Бай Мян и сам не заметил, в какой момент начал с нетерпением ждать этой мечевой энергии.

Он знал лишь одно: всякий раз, когда она вливалась в него, пусть это и было больно, но после боли в теле оставалось удивительное теплое ощущение. Это чувство приносило успокоение, насыщение и дарило уверенность в том, что... он является частью своей хозяйки.

На седьмой день он уже научился различать оттенки и вкус разных потоков энергии.

Некоторые были холодными и пронзительными, другие — теплыми, третьи — властными, а четвертые — нежными.

И каждый из них пах хозяйкой.

На пятнадцатый день в нем проснулась жажда.

Всякий раз, когда приток энергии прекращался, он ощущал страшную пустоту. Пустоту в теле и пустоту в сердце. Он невольно жался ближе к Бо Цинъянь, тянул ее руку к своему животу и смотрел на нее теми самыми влажными глазами, словно говоря: еще.

И Бо Цинъянь каждый раз давала ему это.

На двадцатый день Бай Мян уже не понимал, боль это или что-то иное.

Когда энергия проникала в тело, он кричал. В этих криках сливались боль, удовлетворение, жажда и нечто такое, чему он и сам не мог дать название. Он крепко обнимал Бо Цинъянь за шею, прижимаясь к ней всем телом...

— Хозяйка... Хозяйка...

Выкликал он ее имя снова и снова, и голос его звучал мягко и маняще.

Бо Цинъянь смотрела на его покрасневшее лицо и затуманенный взгляд, чувствуя, как мягкое тело в ее объятиях мелко подрагивает.

— Нравится?

Бай Мянью кивнул, покачал головой и снова кивнул.

Он не знал, как выразить это словами.

Боль была настоящей.

Но от того, что следовало за ней, он уже не мог отказаться.

— Тогда продолжаем.

Энергия меча снова хлынула внутрь.

Бай Мянью снова зашелся в криках и слезах.

Его звуки эхом разносились по комнате — мягкие и соблазнительные, от них у любого кости бы заныли.

В дальнейшем Бай Мянью уже окончательно не мог обойтись без этой энергии. Каждый раз, когда поток иссякал, он становился беспокойным, хватал руку Бо Цинъянь и смотрел на нее полным мольбы взглядом.

— Хозяйка... Еще...

Бо Цинъянь неизменно исполняла его желание.

А затем наблюдала, как он дрожит в ее объятиях, как кричит и как вновь теряет сознание.

Месяц спустя.

Бай Мянью наконец научился принимать всю мощь энергии целиком, больше не падая в обморок.

Обессиленно распластавшись в объятиях Бо Циньянь и тяжело дыша, он был с ног до головы покрыт потом, но на лице его сияла улыбка.

— Х-хозяйка... у меня получилось...

Бо Циньянь опустила на него взгляд.

— Угу.

Бай Мянью улыбнулся еще шире.

Он попытался поднять руку, чтобы коснуться ее щеки, но рука так сильно дрожала, что опустилась на половине пути.

Бо Циньянь перехватила его ладонь и прижала к своему лицу.

Бай Мянью замер.

Глядя в ее глаза, на отражение самого себя в их глубине, он почувствовал, как его веки снова покраснели.

— Хозяйка...

— Мм?

— Я... я так счастлив...

Бо Циньянь ничего не ответила.

Она лишь склонила голову и запечатлела на его губах легкий поцелуй.

Бай Мянью закрыл глаза, наслаждаясь этим поцелуем.

Он был невесомым и нежным, словно перышко, упавшее на гладь воды.

Остранившись, Бо Цинъянь подняла голову.

— С сегодняшнего дня, — произнесла она прежним спокойным тоном, — ты — мост к мечу этого мастера.

<http://bllate.org/book/22395/2350079>